

Джонатан!

Тебя по-прежнему зовут Джонатан? Сегодня я понимаю, что очень многого не знал, и теперь барахтаюсь в пустоте, окружившей меня после твоего ухода. Когда одиночество вгоняло меня в черную меланхолию, я смотрел на небо и землю, кожей ощущая твое присутствие. Так было все эти годы, только мы не могли видеть и слышать друг друга.

Кажется, мы могли бы столкнуться на улице и не узнать друг друга.

Со дня твоего ухода я не перестаю читать, повсюду ищу тебя, ищу способ хоть что-то понять и узнать. Время перелистывало страницы моей жизни, и я все яснее понимал, что прозрение лишь отдаляется, как в кошмарах, когда каждый шаг вперед оборачивается отступлением.

Я бродил по библиотекам и улицам нашего с тобой родного города, хранящего так много общих воспоминаний. Вчера я гулял по набережным и рядам рынка под открытым небом, который ты так

любил. Останавливался то тут, то там, и мне казалось, что ты идешь рядом. Потом, как мы всегда делали по пятницам, завернул в маленький бар в гавани. Вспомнишь ли ты его? Мы часто встречались там с наступлением темноты. Мы обожали словесные игры, у нас были общие страсти. Мы часами говорили о картинах, даривших нам вдохновение, переносивших нас в иные времена.

Боже, до чего же мы с тобой любили живопись! Я часто перечитываю написанные тобой книги, наслаждаясь твоим стилем и пристрастиями.

Я не знаю, где ты, Джонатан. Не знаю, был ли смысл во всем том, что мы пережили; мне неизвестно, существует ли истина, но если ты когда-нибудь прочтешь эту записку, то узнаешь, что я сдержал данное тебе слово.

Знаю, стоя перед картиной, ты заложишь руки за спину и прищуришься, как делал всякий раз, когда что-то тебя удивляло, а потом улыбнешься. Если она будет рядом – а мне этого очень хотелось бы, – ты обнимешь ее за плечи, и вы будете вместе созерцать чудо, как делали когда-то мы с тобой, и тогда ты, возможно, вспомнишь... Если все так и случится, ты исполнишь мою просьбу, как я исполнил твою. Впрочем, забудь, дружбой движут не обязательства. Но я все-таки попрошу.

Скажи ей, скажи, что где-то на этой земле, далеко от вас и вашего времени, я бродил по тем же улицам, мы смеялись, сидя за теми же столиками, а поскольку камни вечны, каждый камень, которого касались наши руки и взгляды, запечатлел частицу нашей истории. Скажи ей, Джонатан,

что я был тебе другом, ты мне – братом, а может, больше, чем братом, ведь мы нашли, выбрали друг друга, скажи, что ничто не смогло нас разлучить, даже ваше внезапное исчезновение.

Я думаю о вас каждый день и надеюсь, что вы счастливы.

Я состарился, Джонатан, и скоро уйду, но благодаря вам в сердце старика живет дарующая блаженную легкость искра света. Я любил! Многим ли дано уйти, унося с собой столь бесценное сокровище?

Сейчас ты прочтешь последние строки, ты сложишь листок, молча убережешь его в карман пиджака, заложишь руки за спину и улыбнешься – как я, когда писал эти слова. Я тоже улыбаюсь, Джонатан, я не переставал улыбаться.

Будьте счастливы, мои дорогие.

Твой друг Питер

1

— Это я, я выезжаю из “Степлдона”, буду через полчаса. Надеюсь, ты дома? Проклятый автоответчик! Еду.

Питер раздраженно дал отбой, поискал в карманах ключи и вспомнил, что накануне отдал их служащему гаража. Он взглянул на часы: рейс на Майами вылетал из аэропорта Логан только под вечер, но времена наступили смутные, и по новым правилам безопасности следовало приезжать в аэропорт за два часа до вылета. Он закрыл дверь элегантной квартирки, которую арендовал на год в жилом комплексе в деловом районе, прошел по застеленному толстым ковром коридору к лифтам и трижды нажал на кнопку вызова, хотя нетерпение, как известно, еще ни разу не ускорило прибытие кабины. Спустившись с восемнадцатого этажа на первый, он торопливым шагом прошел мимо консьержа Дженкинса, бросив на ходу, что вернется через день. У двери квартиры он оставил мешок с грязным бельем. Дженкинс

убрал в ящик стола тетрадку “Искусство и культура” из газеты “Бостон глоб”, зарегистрировал просьбу Питера и успел распахнуть перед ним дверь.

На крыльце он раскрыл широкий зонт с эмблемой, защитив Питера от падавшего на город морозящего дождика.

— Я позволил себе распорядиться, чтобы подогнали ваш автомобиль, — сообщил Дженкинс, глядя на затянутый тучами горизонт.

— Очень любезно с вашей стороны, — сухо ответил Питер.

— Миссис Бет, ваша соседка по лестничной клетке, сейчас в отъезде, так что, увидев, что лифт вызвали на вашем этаже, я заключил...

— Я знаю, кто такая миссис Бет, Дженкинс!

Привратник неодобрительно взглянул на серо-белую пелену облаков у них над головами:

— Отвратительная погода, вы не находите?

Питер не ответил. Он терпеть не мог некоторые преимущества проживания в шикарном доме. Всякий раз, проходя мимо конторки Дженкинса, он переживал эффект незаконного вторжения. Человек с регистрационным журналом восседал за конторкой лицом к огромной вращающейся двери и контролировал приходы и уходы всех жильцов. Питер не сомневался, что рано или поздно привратник узнает его привычки лучше большинства друзей. Однажды, пребывая в дурном настроении, он спустился по служебной лестнице до подземной стоянки и вышел из дома через ворота гаража.

Возвращаясь, он прошел мимо Дженкинса с гордо задраннным носом, а тот учтивым жестом протянул ему ключ с круглой головкой. В ответ на недоуменный взгляд жильца портье невозмутимо пояснил:

— Он вам понадобится, если пожелаете снова воспользоваться этим путем. Двери на лестничные площадки запираются изнутри. Это универсальный ключ.

В лифте Питер старался сохранять полную невозмутимость, поскольку Дженкинс наблюдал за пассажирами благодаря установленной в кабине камере. Полгода спустя, заведя интрижку с модной молодой актрисой по имени Тали, он решил провести с ней ночь в отеле, лишь бы не видеть лучезарное выражение лица консьержа, чье неизменно благостное настроение по утрам раздражало его сверх всякой меры.

— Кажется, я слышу звук двигателя вашего авто. Осталось подождать совсем недолго, сэр.

— Вы узнаете машины по голосу их моторов, Дженкинс? — с неприкрытой язвительностью спросил Питер.

— Далеко не все, сэр. Но у вашей немолодой “англичанки” слегка постукивают тяги. Этот их “тук-тук-тук” напоминает изысканный выговор наших заокеанских кузенов.

Питер вздернул брови, но сдержался, хотя был взбешен. Дженкинс всю жизнь жалел, что не родился подданным Ее Величества: Бостон чтит англосаксонские традиции. На выезде из темной пасти подземной стоянки загорелись круглые

фары “Ягуара ХКя-140”. Служащий аккуратно затормозил на белой линии.

— Неужели, Дженкинс? — С этими словами Питер шагнул к открытой вышколенным служащим гаража дверце.

Сев с оскорбленным видом за руль, Питер заставил “пожилую англичанку” натужно взречь и сорвался с места, небрежно махнув Дженкинсу, который дождался, когда автомобиль свернет за угол, и только после этого вернулся на свой пост.

— Старый олух! Сам родился в Чикаго, и семья твоя из Чикаго, а туда же! — буркнул Питер.

Он вставил мобильный телефон в держатель, нажал кнопку памяти с домашним номером Джонатана и рявкнул в микрофон, укрепленный на противосолнечном щитке:

— Я знаю, ты дома! Не представляешь, как меня бесит твоя игра в прятки. Чем бы ты там ни занимался, в твоём распоряжении осталось девять минут. Услышать меня — в твоих интересах.

Он потянулся к бардачку, чтобы переключить приемник на другую волну, а выпрямившись, заметил идущую через улицу женщину весьма преклонного возраста. Он резко затормозил, оставив на асфальте черные следы, и боязливо открыл глаза. Женщина спокойно ковыляла дальше. Питер не без труда оторвал пальцы от руля, выдохнул, отстегнул ремень безопасности, выскочил из машины, рассыпался в извинениях, взял ее под руку и помог преодолеть отделявшее ее от тротуара расстояние.

Напоследок он вручил ей свою визитную карточку, еще раз извинился и, пустив в ход все свое обаяние, поклялся, что будет всю неделю корить себя за то, что так ее напугал. Вид у пожилой дамы был крайне удивленный, она успокаивала Питера, отмахиваясь от него белой тростью. Она вздрогнула, когда он учтиво взял ее под локоток, только потому, что туговата на ухо. На прощание Питер снял волосок с плаща старушки и вернулся в машину. Привычный аромат старой кожи в кабине “ягуара” помог ему прийти в себя. Остаток дороги до дома Джонатана он проделал не торопясь, а на третьем по счету светофоре уже беззаботно насвистывал.

Джонатан поднимался по лестнице своего прелестного дома в районе старого порта. На последнем этаже находилась мастерская со стеклянным потолком, где работала его подруга Анна Уолтон. Они познакомились на вернисаже. Фонд, основанный местной богачкой, коллекционирующей живопись, устроил выставку картин Анны. Рассматривая развешанные в галерее полотна, Джонатан подумал, что все они написаны природным изяществом автора. Стиль, в котором работала Анна, напоминал стиль столетия, который Джонатан изучал как эксперт-профессионал. Джонатан нашел пейзажи Анны весьма проникновенными и не преминул сообщить ей об этом в самых изысканных

выражениях. Молодая дебютантка была потрясена оценкой столь уважаемого профессионала, и они стали неразлучны, а весной поселились в выбранном Анной доме. Большую часть времени она проводила в мастерской под стеклянным фонарем. На рассвете солнце заливало комнату, создавая волшебную атмосферу. Пол, от белой кирпичной стены до высоких окон, был застелен светлой широкой паркетной доской. Отрываясь ненадолго от мольберта, Анна курила, присев на деревянный подоконник, и любовалась заливом. В любую погоду она поднимала раму и наслаждалась сладким дымом и соленым ароматом водяных брызг.

“Ягуар” Питера остановился у подъезда.

— Кажется, приехал твой друг, — сказала Анна, услышав за спиной шаги Джонатана.

Он подошел, обнял ее, потерся щекой о шею и поцеловал. Она вздрогнула.

— Не заставляй Питера ждать!

Джонатан не отреагировал. Его рука, скользнув под воротник легкого платья, коснулась груди Анны. С улицы донеслись нетерпеливые гудки, и она с веселым смехом оттолкнула его.

— Твой шафер — надоеда. Отправляйся на свою конференцию — чем скорее уедешь, тем скорее вернешься.

Джонатан еще раз поцеловал ее и начал пятиться к двери. Анна снова закурила. Питер махнул ей рукой, и машина рванула с места. Анна со вздохом перевела взгляд на старую гавань, куда когда-то причаливали корабли с переселенцами.

— Почему ты никуда не можешь прийти в назначенное время? — спросил Питер.

— Кем назначенное? Тобой?

— Да не мной, а, к примеру, авиакомпанией. Люди встречаются за обедом или за ужином — и не опаздывают, потому что смотрят на часы. Ах да, забыл, ты не носишь часов.

— Ты — невольник времени, а я боец сопротивления.

— А известно ли тебе, что даже твой мозг прав на сеансах пропускает мимо ушей подобную чушь? Пока ты изливаешь душу, он прикидывает, сможет или нет купить на деньги от сеансов машину своей мечты, и какую — в версии “купе” или “кабриолет”.

— Я не хожу на сеансы!

— Может, стоит попробовать? Как ты, кстати, себя чувствуешь?

— Отстань... Лучше объясни, с чего ты так развеселился?

— Читал раздел “Искусство и культура” в “Бостон глоб”?

— Нет, — ответил Джонатан, глядя в окно.

— А вот Дженкинс читает! Журналиги решили меня прикончить!

— Да что ты говоришь?

— Значит, ты все-таки прочел!

— Так, между делом, — буркнул Джонатан.

— Помнится, в университете я спросил, спал ты с Кэтти Миллер, по которой я сох, или нет, и ты ответил: “Между делом”. Может, объяснишь наконец, что означает это пресловутое

“между делом”? Я двадцать лет ломаю над этим голову... — Питер стукнул кулаком по рулю. — Как тебе нравится этот хамский заголовок: “Последние сделки аукциониста Питера Гвела стали полным разочарованием”? А кто побил державшийся десять лет ценовой рекорд картин Сера? Кто заключил самую дорогую за десять лет сделку по продаже Ренуара? А коллекция Боуэна с Джонкингом, Моне, Мэри Кассат и иже с ними? Кто был первым защитником Вюйара? Сам знаешь, сколько он теперь стоит!

— Зря тратишь нервы, Питер. Критик на то и критик, чтобы критиковать, только и всего.

— Ничего не зря, у меня на автоответчике четырнадцать сообщений от компаньонов по “Кристи”, они очень обеспокоены, вот что плохо!

Он затормозил на красный, не переставая бурчать. Джонатан выждал несколько минут, включил радио, и голос Луи Армстронга заполнил кабину.

— Что это? — спросил Джонатан, заметивший стоявшую на заднем сиденье коробку.

— Ничего! — отрезал Питер.

Джонатан обернулся и начал перечислять с насмешкой в голосе:

— Электробритва, три драные рубахи, две пижамные штанины, ботинки без шнурков, четыре разорванных в мелкие клочья письма, и все обильно сдобрено кетчупом... Вы разбежались?

Питер изогнулся и сбросил картонку на пол.

— У тебя что, никогда не было плохой недели? — поинтересовался он, прибавляя звук.

Джонатан нервничал все сильнее и решил поделиться опасениями с Питером.

— Успокойся, всезнайка! — отмахнулся тот.

— Именно такие идиотские реплики нас и до-
бивают.

— Я ужасно перетрухнул за рулем, — вдруг признался Питер.

— Когда?

— Да только что, когда выезжал к тебе.

“Ягуар” тронулся с места. Джонатан провожал взглядом старые здания в гавани. Они выехали на скоростное шоссе, ведущее в международный аэропорт Логан.

— Как поживает старина Дженкинс? — поинтересовался Джонатан.

Питер припарковался напротив будки охранника и незаметно сунул ему в ладонь купюру, пока Джонатан доставал из багажника старую дорожную сумку. Они поднимались по пандусу стоянки, вслушиваясь в гулкое эхо собственных шагов. Питер, как это всегда бывало в аэропорту, вышел из себя, когда на посадке его заставили снять ремень и ботинки: рамка безопасности трижды отчаянно звенела, когда он пытался пройти. В отместку за грубость пограничник перетряхнул все его шмотки. Джонатан махнул рукой в сторону газетного киоска, где Питер и нашел его за чтением джазовой антологии Милтона Мезза Мезроу. Джонатан купил книгу. Посадка прошла без осложнений, и самолет взлетел без задержки. Джонатан не стал обедать, опустил шторку на

иллюминаторе, зажег лампочку и погрузился в записи выступления на конференции, до которой оставалось несколько часов. Питер полистал журнал, прочел инструкцию по безопасности и даже каталог беспопытной торговли на борту, хотя знал его наизусть, после чего откинул спинку кресла.

— Скучаешь? — спросил Джонатан, не отрываясь от бумаг.

— Думаю!

— Ну я и говорю — скучаешь.

— А ты нет?

— Я готовлюсь к лекции.

— Ты одержим этим человеком, — поддел друга Питер, возвращаясь к правилам безопасности на борту “Боинга-737”.

— Увлечен!

— Учитывая тяжесть навязчивого состояния, старик, я ставлю диагноз “одержимость” твоим отношениям с этим русским художником.

— Владимир Рацкин умер в конце девятнадцатого века, и у меня “отношения” не с ним, а с его творчеством.

Джонатан вернулся к чтению, но молчание длилось недолго.

— У меня острое ощущение дежавю, — насмешливо проговорил Питер. — Что неудивительно: мы уже раз сто вели подобный разговор!

— Ты сам-то здоров или подхватил тот же вирус, раз летишь со мной?

— Во-первых, я тебя сопровождаю. Во-вторых, бегу от звонков коллег, уязвленных идиотской

статьей кретина из “Санди таймс”. И в-третьих, и главных, мне скучно.

Питер достал из кармана пиджака фломастер и нарисовал крестик на листке в клеточку, где Джонатан делал последние пометки к докладу. Не отрываясь от картинок, Джонатан нарисовал рядом нолик. Питер поставил другой крестик, Джонатан пририсовал по диагонали следующий нолик...

Самолет приземлился на десять минут раньше. В багаж они ничего не сдавали, прошли на стоянку такси и поехали в гостиницу. Питер посмотрел на часы: у них был целый час до начала мероприятия. Они зарегистрировались, и Джонатан поднялся в номер переодеться. Дверь за ним бесшумно закрылась. Он бросил сумку на маленькое бюро красного дерева и набрал номер. Когда Анна ответила, он закрыл глаза и отдался во власть ее голоса, словно был рядом с ней в мастерской. Весь свет потушен. Анна сидит на подоконнике. Сквозь стеклянную крышу мерцали редкие, выигравшие бой у городской иллюминации звезды, подобные тонкой вышивке по бледному полотну. На старинных, скрепленных свинцовыми полосками стеклах оседали соленые морские брызги. В последнее время Анна отдалилась от Джонатана, казалось, колесики хрупкого механизма начали застревать, как только они решили пожениться. В первые недели Джонатан объяснял эту отчужденность страхом перед ответствен-

ным, на всю жизнь, решением, хотя именно она жаждала торжественной церемонии. Их город был так же консервативен, как и мир искусства, в котором они вращались. Было очень бонтонно объявить о свадьбе после двух лет сожителства. На каждом коктейле, вернисаже, крупном аукционе бостонский высший свет ясно давал это понять.

Джонатан и Анна уступили. Внешние приличия были залогом профессионального успеха Джонатана. Анна молчала на другом конце провода, он слушал ее дыхание, пытаясь угадать жесты. Длинные пальцы тонут в густых волосах. Закрыв глаза, он мог почувствовать запах ее кожи. К концу дня аромат духов смешивался с пропитавшим все уголки мастерской запахом дерева. Их разговор закончился в точке молчания, Джонатан положил трубку и открыл глаза. Под окнами длинной красной лентой тянулся непрерывный поток машин. Его охватило чувство одиночества: так бывало всякий раз, когда он оказывался далеко от дома. Он вздохнул, спрашивая себя, зачем согласился выступить с докладом. Времени оставалось в обрез, он достал из сумки белую рубашку и начал одеваться.

Джонатан сделал глубокий вдох перед выходом на сцену. Ему поаплодировали, и свет пригасили. Он встал за пюпитр с маленькой, как ночник, медной лампочкой. Джонатан знал свой текст наизусть. На огромном экране у него за спиной появился слайд первой картины Владимира

Рацкина из числа тех, что он собирался показывать этим вечером. Он решил представлять полотна в обратном хронологическом порядке. Первая серия — виды английской деревни — относилась к последнему периоду укороченной болезнью жизни мастера.

Рацкин писал эти картины в своей комнате, которую не покидал из-за запрета врачей. Там он и умер в возрасте шестидесяти двух лет. На двух больших портретах был изображен сэр Эдвард Ленгтон. На первом Рацкин запечатлел его в полный рост, на втором знаменитый коллекционер и торговец живописью, покровитель художника сидел за письменным столом красного дерева. Десять полотен необычайно проникновенно передавали жизнь бедняцких пригородов Лондона конца XIX века. Довершали презентацию еще шестнадцать картин. Они не были датированы, но их темы отсылали к молодости художника в России. Шесть первых — портреты придворных сановников — были выполнены по заказу царя, десять других молодой художник создал, потрясенный нищетой простого люда. Из-за этих уличных сценок Рацкин вынужден был навсегда покинуть родину. На устроенной в Эрмитаже персональной выставке он самовольно развесил вызвавшие громкий скандал картины. Император пришел в бешенство: народные страдания были переданы мощнее и ярче блеска его правления. Рассказывают, что, когда министр культуры поинтересовался у Владимира причинами такого поступка, он от-